

Ю.Н. Гусева

Оценки эффективности пантюркистской политики Турции в современном российском академическом дискурсе

Аннотация. В фокусе внимания автора статьи — историографические оценки в российском академическом дискурсе, отражающие оценки эффективности пантюркистских усилий Турции с учетом внешне- и внутриполитических интересов Российской Федерации. Для этого изучается пул публикаций, которые, во-первых, оценивают пантюркистские усилия Турции в отношении стран Центральной Азии, во-вторых, анализируется эффективность воздействия идей политического тюркизма на современную российскую внутреннюю политику. В результате делается вывод о неоднородной картине российской академической экспертизы, которая содержит различные полюса оценок: от усиливающегося влияния с перспективой потери суверенитета и национал-сепаратизма до объективно низкой эффективности пантюркистских усилий. Утверждается, что особое значение для оценки реальной перспективы реформирования массовых представлений в протурецком ключе и выявления предрасположенности к восприятию пантюркистских нарративов у национально-религиозных региональных элит имеет систематический социологический мониторинг и мониторинг медиа в субъектах Российской Федерации с преобладающим тюркоязычным населением.

Ключевые слова: пантюркизм, внешняя политика Турции, российская историография.

Автор: Гусева Юлия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Московский городской педагогический университет. ORCID: 0000-0002-5731-7274. E-mail: j.guseva@mail.ru

Yulia N. Guseva

Assessing the Effectiveness of Turkey's Pan-Turkic Policy in Contemporary Russian Academic Discourse

Abstract. This article focuses on historiographic assessments in Russian academic discourse that reflect assessments of the effectiveness of Turkey's pan-Turkic efforts, taking into account the foreign and domestic political interests of the Russian Federati-

on. To this end, a pool of publications is examined that, firstly, assess Turkey's pan-Turkic efforts in Central Asian countries and, secondly, analyze the impact of political Turkism on contemporary Russian domestic policy. The conclusion is drawn about the heterogeneity of Russian academic expertise, which ranges from increasing influence with the prospect of loss of sovereignty and national separatism to the objectively low effectiveness of pan-Turkic efforts. It is argued that systematic sociological and media monitoring in regions of the Russian Federation with a predominantly Turkic-speaking population is particularly important for assessing the real prospects for reformatting mass perceptions in a pro-Turkish direction and identifying the predisposition of national-religious regional elites to embrace pan-Turkist narratives.

Keywords: Pan-Turkism, Turkish foreign policy, Russian historiography.

Author: Guseva, Yulia N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University. ORCID: 0000-0002-5731-7274. E-mail: j.guseva@mail.ru

Последнее десятилетие отмечено неуклонным ростом внимания отечественных исследователей к турецкой внешней политике и ее тюркской составляющей. На российской платформе научных работ E-library по запросу «тюркизм» за 2000—2024 гг. выдается 458 публикаций, 399 работ содержат ключевое слово «пантюркизм».

Для понимания механизмов формирования общественно-политических представлений об этом явлении, оценке уровня рисков и угроз, связанных с тюркизмом/пантюркизмом, для Российской Федерации, а также рефлексии слабых и сильных сторон российской экспертизы о пантюркистских устремлениях Турецкой Республики, возникает необходимость в понимании того, в каких направлениях движется российская научная мысль, каковы перспективы дальнейших исследований в этой области.

Цель статьи — анализ эффективности пантюркистских усилий Турции с точки зрения внешне- и внутривнутриполитических интересов России в современном русскоязычном научном дискурсе. Для этого мы обратимся к публикациям, которые, во-первых, оценивают подобные усилия Турции в отношении стран Центральной Азии, во-вторых, анализируют их реальное и мнимое влияние на российскую внутреннюю политику.

Наше исходное предположение состоит в том, что на сегодняшний день сложилась неоднородная картина российской академической экспертизы. Она находится в развилке радикально расходящихся оценок: от усиливающегося влияния с перспективой потери странами Центральной Азии суверенитета и национал-сепаратизма тюркоязычных регионов России до объективно низкой эффективности турецкой пантюркистской политики.

Обозначим важные терминологические нюансы. В современном турецком академическом и политическом дискурсе преобладает тенденция замены термина «пантюркизм» (тур. *Türkçülük*, «тюркчюлюк») на «тюркизм/туркизм» (тур. *Türklük*, «тюрклюк»). Турецкие социальные сети и электронные издания, пропагандирующие идею тюркского единства, часто заменяют термин «пантюркизм» (*Türkçülük*, *Turkyuluk*) дефиницией «тюркизм» (*Türklük*, *Turkluk*), которая не

имеет однозначного толкования [Иванова, 2012]. Актуальная политическая, культурная позиция Турции по отношению к тюркским сообществам за ее пределами выражается с помощью таких терминов, как «тюркский мир» (Türk Dünyası), «тюркское единство» (Türk Birliği) и «тюркская мягкая сила» (Türk Yumuşak Gücü).

Причины этой подмены понятий очевидны. Коннотации пантюркизма исторически связаны с радикальными турецкими проектами начала XX века и ультранационалистическими движениями. Стремящаяся позиционировать себя как ядро «умеренного» тюркского пространства Турция избегает открытой пантюркистской риторики, осознавая, что это может вызвать опасения в России, КНР и республиках Центральной Азии.

Российская историография, в отличие от западной (она практически исключила категорию «пантюркизм» из обращения), пользуется обеими категориями «тюркизм» и «пантюркизм». Последний термин особенно характерен для работ, которые руководствуются аналитической оптикой секьюритизации, то есть представления о предмете через аналитическую оптику проблем безопасности.

Несмотря на многообразие категорий, которыми характеризуется современный этап турецкой внешней политики (неопантюркизм, коллективный тюркизм и пр.), изученные нами работы в целом сходятся в определении «тюркизма/пантюркизма». В большинстве случаев его трактуют как современную версию исторически сложившейся в конце XIX — начале XX веков в Османской империи идеологической доктрины, нацеленной на сплочение тюркских народов в едином политико-культурном пространстве под началом Турции, развитие у них наднационального чувства принадлежности и готовность к защите общих интересов на международной арене.

Анализ эффективности пантюркистских усилий Турции с точки зрения внешнеполитических интересов России

Доминирующим фреймом большинства политологических публикаций является идея о том, что с приходом к власти Р.Т. Эрдогана страна взяла курс на постепенное возвращение Турции в мировую политику, а лейтмотив пантюркизма, сопряженного с неоосманизмом¹, постепенно стал локомотивом внешнеполитического движения этой страны.

В аналитической оптике многих работ пантюркизм трактуется как политический проект, направленный исключительно на подчинение тюркских народов и «вытеснение нетюркских государств (прежде всего, России) из пространства, населенного тюркскими народами», с негативными последствиями для всех акторов, кроме самой Турции [Аватков, 2021; Аватков, Гузаеров, 2024; Бурашникова, 2013; Евстратов, 2024; Минасян, 2025; Надеин-Раевский, 2024].

¹ Под «неоосманизмом» (Yeni Osmanlıcılık) понимают турецкую политическую идеологию, содержанием которой является наращивание политического влияния Турции в странах, ранее входивших в состав Османской империи. Турецкая Республика считает себя ее преемником.

«Турции тюркские государства нужны не как равноправные союзники и партнеры, а как источник ресурсов для создания Великой Турции — новой Османской империи на основе пантюркистского и неоосманского проектов. Тюркские государства в итоге превратятся даже не в младших партнеров, а в вассалов этой «империи», потеряв не только государственный суверенитет, но и во многом — национальную идентичность», — продолжает секьюритизированную логику подобных рассуждений А. Черников [Черников, 2024, с. 69].

Излишне говорить, что пантюркизм как идеология и политическая практика предстает в подобных работах как воплощенное зло, представляющее угрозу национальной безопасности России, Китая, Ирана и прочих нетюркских стран Евразии [Милюкова, Ковалева, Валюлина, 2021, с. 35].

Однако имеется пул исследований, авторы которых настаивают на более умеренных оценках. Они основываются на узкопредметном анализе эффективности усилий Турции в направлении тюркской интеграции, на рассмотрении положения дел в конкретных странах Центральной Азии. Среди основных оппонентов панических сентенций отметим М. Шумилова, который подвергает критическому разбору ряд некоторых положений В. Аваткова и его соавторов [Шумилов, 2022а, с. 49]. Шумилов предлагает квалифицировать текущие процессы на пространстве Евразии, как «коллективный пантюркизм», подразумевая, что в настоящее время пантюркизм перестал выступать инструментом турецкой экспансии, а превратился в форму выражения общей заинтересованности и солидарных устремлений своих участников. И с этими общими устремлениями России, Китая и другим внерегиональным акторам в дальнейшем придется считаться [Там же, с. 48—49].

Авторы также отмечают важную роль Турции на этапе суверенизации стран Центрально-Азиатского региона после распада СССР, однако затем, прежде всего, по причине нехватки ресурсов, турецкое влияние в странах Центральной Азии постепенно снижается. Кроме того, в регионе появились новые игроки — транснациональные банки, сырьевые, транспортные, промышленные корпорации, представляющие интересы России, стран Запада и КНР.

Участники международного авторского коллектива Али Эмре Суджу, Косимшо Искандаров, Рустам Махмудов и Даниил Чернов достаточно скромно оценили военные и политические итоги многолетних усилий Турецкой Республики в этом регионе. По их мнению, из-за нехватки материальных ресурсов баланс сил в странах Центральной Азии складывается далеко не в пользу Турции: она сильно уступает влиянию России и КНР [Sucu, Iskandarov, Mahmudov, Chernov, 2021]. Чжан Юйянь, проанализировавший механизмы сотрудничества между тюркоязычными странами с 1991 г., делает однозначный вывод: национальные интересы, а не пантюркизм, играют ключевую роль в формировании нынешнего и будущего сотрудничества между ними [Юйянь, 2024].

Панически-угрожающих и алармистских настроений лишены и исследования, изучающие вопросы формирования тюркской идентичности и исторической памяти в странах Центральной Азии. При этом, конечно, нельзя не согласиться с тем, что современная турецкая политика памяти и историческая политика направлена на решение целого ряда задач, связанных с «подсвечиванием»

видимости тюрков в мировой истории, значительности их пространственно-территориального распространения, и, наконец, с утверждением «прогрессивного влияния тюркских групп на нетюркские» [Кирчанов, 2019, с. 71].

Вместе с тем А. Романова и Д. Черничкин в рамках социологического исследования, направленного на определения влияния пантюркистских настроений на национальную идентичность в Казахстане и Туркменистане, делают однозначный вывод: «пантюркистские идеи и турецкие культурные паттерны, хотя и присутствуют в информационной повестке анализируемых стран, но не являются ее трендом» [Романова, Черничкин, 2024, с. 181]. «На данный момент «турецкий гамбит» с использованием инструментов «мягкой силы» пока не достиг запланированной цели — формирования ярко выраженных элементов тюркской идентичности в национальных идентичностях двух стран Каспийского региона, а приоритетность таких двусторонних отношений подвергается сомнению с обеих сторон на уровне рядового населения», — указывают исследователи [Там же, с. 203—204].

Сходный анти-алармистский подход характеризует работы, связанные с анализом информационного пространства. В них авторы ставят вопрос о практической результативности и фактическом, а не желаемом, эффекте «заражения пантюркистской пропагандой» СМИ и соцсетей. Однако сразу стоит отметить критический дефицит такого рода исследований.

Анализ последствий практической реализации пантюркистских идей в онлайн-среде постсоветского пространства предпринимает В. Иванова и С. Васильева [Иванова, 2012; Васильева, 2019]. Если первый автор рассматривает отдельные образы, жесты, изображения, которые используются в интернете сторонниками политического тюркизма, то второй предлагает алгоритм выявления и комплексного анализа маркеров, которые должны обращать на себя внимание в контексте поиска экстремистской составляющей. Каковы, по мнению С. Васильевой, эти маркеры? Это — термин «тюркизм» и его производные, способные выполнять функцию сокрытия пантюркистских взглядов за тюркистской риторикой; упоминание акторов пантюркистского движения («Серые волки» и их символика, «Партия националистического движения» и пр.) и идеологов (Нихаль Атсыз, Зия Гёкальп, Юсуф Акчура, Альпарслан Тюркеш). Особняком «стоит фигура татарского просветителя Исмаила Гаспринского, который являлся сторонником именно тюркистского (т. е. культурологического) вектора интеграции тюркских народов» [Васильева, 2019, с. 43]. При этом Васильева настаивает на необходимости воздержаться от огульного причисления к экстремистским любых текстов, содержащих эти маркеры, призывает к максимально взвешенной и комплексной оценке идей, символов и контекста любого публичного высказывания.

И. Аминов в 2020 г. презентовал результаты проведенного комплексного анализа сетевых сообществ радикального пантюркизма в социальной сети Facebook (принадлежит компании Meta, признана экстремистской и запрещена на территории РФ) [Аминов, 2020]. Ученый делает следующий вывод: «Общая тенденция трансформации дискурса радикального пантюркизма направлена на формирование образа врага из Российской Федерации и КНР. Создается впечат-

ление, что цель радикальных пантюркистов — разрушение сложившихся исторических, культурных, социальных связей между Россией и Центральной Азией, регионами России, населенными этносами тюркского происхождения, и Российской Федерацией» [Там же, с. 34]. Однако из этого, по его мнению, не следует делать далеко идущих выводов: Аминов обращает внимание, что «Выявленные негативные явления не оказывают существенного воздействия на общественное мнение регионов России и Центральной Азии» [Там же, с. 37]. При этом подчеркивается особая важность мониторинга социальных сетей на предмет радикальной пропаганды.

К похожим выводам пришла и группа ученых Алтайского государственного университета, которые публикуют результаты репрезентации пантюркизма в российских официальных интернет-изданиях. Ими отмечены два встречных тренда бытования идей пантюркизма в онлайн-среде: его маргинализация и, одновременно, актуализация, что вызвано, прежде всего, сложностями социально-политической ситуации [Милюкова, Ковалева, Валюлина, 2021]. Интересен вывод, что наиболее активно повестку дня по теме пантюркизма формируют российские прогосударственные и проармянские СМИ разной политической направленности, задающие границы российского публичного общественно-политического дискурса. Это во многом объясняет сложившийся устойчивый негативный имидж в контексте тюркизма у Турции, Сирии, Азербайджана. В позитивном ключе в российских медиа чаще всего упоминаются Россия, США, Китай, Казахстан, Кыргызстан.

Оценки влияния пантюркистской политики Турции на современную российскую внутреннюю политику

При ответе на вопрос о потенциальных и фактических последствиях турецких усилий, направленных на тюркские народы в составе России, доминирующим также является дискурс секьюритизации. Подавляющее большинство работ направлено на оценку вызовов и угроз, создаваемых пантюркизмом для внутриполитических интересов России в XXI веке. Типичным является политологический анализ инструментов турецкого влияния по разным направлениям — в культуре, образовании, русскоязычном интернет-пространстве и пр. и в целом на обстановку в мусульманских районах России [Аватков, Бадранов, 2013; Карякин, 2020].

Наиболее радикальные оценки воздействия турецкой политики на российские тюркоязычные сообщества сводятся к утверждениям, что основная цель турецких усилий — поощрение тюркского национал-сепаратизма и ослабление России [Сваранц, 2010]. Авторы часто обращают внимание на появление лозунгов и активизма весьма противоречивого характера, которые могут вызвать обеспокоенность России по поводу их интересов и безопасности [Надеин-Раевский, 2017]. К примеру, А. Старостин, исследуя «региональные версии пантюркизма» на примере запрещенного в РФ движения «Ак Дян», отмечает связь между этой

организацией и пантюркистской идеологией, выделяет ее региональные различия [Старостин, 2024].

Как и в случае оценки внешнеполитического трека, картина перестает быть сугубо черно-белой при рассмотрении вопроса на микроуровне — при оценке популярности пантюркистских настроений в отдельных регионах Российской Федерации.

Обстоятельные исследования 2022—2023 гг. авторов из Башкортостана убедительно показывают низкую степень влияния пантюркизма на местные сообщества. А. Бердин и Ю. Юсупов утверждают, что предполагаемая привлекательность пантюркизма нередко вводит в заблуждение наблюдателей: его реальные проявления в башкирских националистических организациях часто носят поверхностный и подражательный характер, ограничиваются символическим уровнем. Влияние пантюркизма никак не способствует значимым социально-политическим изменениям или высокой степени вовлеченности общин [Бердин, Юсупов, 2022].

Одновременно «местные кадровые и идейные иерархии (преимущественно из представителей постсоветских гуманитарных элит) обладают собственной политической историей и субкультурой, весьма далекой от турецких образцов, и собственной развитой национальной мифологией», а большинство националистических проявлений, в том числе деструктивного плана, в Республике «имеют местную природу» [Бердин, Юсупов, 2023]. «Внешнее влияние служит чаще имитационным оформлением либо прикрытием (зачастую ложным), либо катализатором объективно существующего местного конфликта интересов». Авторы призывают при анализе ситуации избегать «распространенного в публицистике алармизма, когда в любом проявлении ищут заговор пантюркизма, приобретающего уже мифологические черты» [Там же].

С этой точки зрения интересны исследования В. Цибенко, направленные на изучение башкиро-турецких контактов, турецкого религиозного влияния на развитие ислама на башкирской земле на рубеже XX—XXI веков [Цибенко, 2019]. К примеру, автор фиксирует, что Турция усиливает позиции в религиозном пространстве региона, замещая альтернативными неформальными структурами существующие в Башкирии муфтияты. «При этом актуализация проблемных исторических сюжетов башкир и усиление башкирского этнонационализма входят в интересы турецких джамаатов, переориентирующих башкирских мусульман на турецкий ислам и Турцию как центр тюркского и исламского мира» [Там же]. З. Хабибуллина и А. Тузбеков расставляют акценты по-иному: башкирские ученые фиксируют турецкое влияние по линии суфийских тарикатов в процессе офлайн и онлайн-взаимодействия, однако это не ведет к радикальному изменению конфигурации этноконфессионального ландшафта и усилению турецких позиций в республике [Хабибуллина, Тузбеков, 2023; Хабибуллина, 2024]. Связи российских муфтиятов с турецкими партнерами в последние годы рассматривались и автором настоящей статьи: при всем разнообразии многолетних связей трудно говорить о масштабном идейном влиянии Управления по делам религий (Диянет) на деятельность духовных управлений в различных субъектах страны [Гусева, Гумеров, 2024].

К сожалению, подобных обстоятельных исследований, основанных на эмпирических данных, по Республике Татарстан обнаружить не удалось. В историографии имеются призывы дать «соответствующую оценку проекту «Идель-Урал» как радикальной теории, провоцирующей сепаратизм в республиках Урало-Поволжья». Делается небесспорный вывод, что под маской «возрождения истинного национального самосознания» в перспективе произойдет «ассимиляция всех тюркских народов в единый суперэтнос на основе турецкой нации» [Аватков, Бадранов, 2014, с. 288].

И совсем проблемной представляется научная дискуссия на эту тему (вернее, ее практически полное отсутствие) в республиках Северного Кавказа. В единственной обнаруженной нами публикации в отношении Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик фактически отсутствует научное осмысление ситуации, что называется, на земле, а повторяются, по сути, журналистские штампы [Савтырева, 2020].

Заключение

Предпринятый анализ подтвердил наше исходное предположение о неоднородности академических подходов и оценок в отношении тенденций тюркистских усилий Турции на постсоветском пространстве и в тюрко-мусульманских регионах Российской Федерации.

На одном полюсе оценок — секьюритизированный подход. Для него характерно представление о тюркоязычных странах СНГ и российских субъектах как потенциальных жертвах идеологии пантюркизма — объектах воздействия турецкой мягкой силы, которая не сулит им в перспективе ничего хорошего. Для сторонников этого подхода характерны эссенциалистские послы — приписывание Турции пантюркистских задач, которые, как представляется, не меняются с течением времени и не испытывают влияния со стороны как внешних игроков, так и логики социально-политического развития самого турецкого общества.

Более умеренный исследовательский подход заключается в следующем. Признавая значимость культурно-политического феномена тюркизма, следует учитывать постоянные перемены в соотношениях сил участников региональной политики. На этом поле появляются новые игроки, а турецкий внешнеполитический курс и политика безопасности постоянно корректируются. Подобные новации требуют систематического сбора информации не только из заголовков СМИ и публичных заявлений политиков, но и на уровне потенциальных потребителей пантюркистских идей, и их вдумчивого, а не панически-алармистского, осмысления.

Заметна и следующая закономерность: чем более абстрактны и глобальны рассуждения того или иного автора, тем легче он уходит в область алармизма и квазиполитологических оценок. Антидотом подобных аналитических и оценочных перекосов является максимально критичное отношение к изучаемым источникам, стремление более основательно погружаться вглубь турецкой внутренней и внешнеполитической повестки, обращение к региональным сюжетам.

Следует сконцентрировать усилия и на более предметном изучении деятельности мусульманских религиозных организаций, потенциально способных выступать в качестве инструмента пантюркистского влияния и усиливать националистические настроения.

Важное значение для оценки реальной перспективы реформирования массовых представлений и выявления предрасположенности к восприятию пантюркистских нарративов у национально-религиозных российских региональных элит имеет систематический социологический мониторинг и мониторинг медиа на наличие пантюркистских маркеров в субъектах с преобладающим тюркоязычным населением.

Библиографический список

Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021; 14(5). С. 162—176. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-8> EDN: QXRUNE

Аватков В.А., Бадранов А.Ш. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI век. 2013. № 2 (27). С. 5—10. EDN: RENXGV

Аватков В.А., Гузаеров Р.И. Евразийство в Турции: взгляд на Россию и формирование собственной парадигмы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 20—34. DOI: 10.31249/kgt/2024.04.02 EDN: LHLLTV

Аминов И.Р. Специфика сетевого взаимодействия сторонников радикального пантюркизма // Причерноморье. История, политика, культура. Серия В: Международные отношения. 2020. № XXIX (IX). С. 30—39. DOI: 10.35103/SMSU.2020.18.15.004 EDN: YAYUDG

Бердин А.Т., Юсупов Ю.М. Влияние пантюркизма в республиках ПФО (на материале националистических организаций Башкортостана). Часть 1 // Власть. 2022. № 6. С.52—58. DOI: 10.31171/vlast.v30i6.9341 EDN: EUKYIM

Бердин А.Т., Юсупов Ю.М. Влияние пантюркизма в республиках ПФО (на материале националистических организаций Башкортостана). Часть 2 // Власть. 2023. Т. 31. № 1. С. 58—65. DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9462 EDN: OKGQAT

Бурашникова А. Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. № 2. С.65—69. EDN: ROCXNF

Васильева С.А. Пантюркистские маркеры в экстремистских текстах: теоретические положения // VIII Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. [с междунар. участием], Троицк, 4—5 июля 2019 г. / под ред. Э. З. Ягнаковой. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. 190 с. С.37—43. EDN: KUMOYP

Гусева Ю.Н., Гумеров М.М. Управление по делам религии Турецкой Республики (Диянет) и современные российские муфтияты: вопросы взаимодействия на современном этапе // Исламоведение. 2024. Т. 15. № 2 (60). С. 17—31. DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-2-17-31 EDN: NXWHWY

Евстратов А.Г. Альтернативная Евразия в тени ятаганов: пантюркизм как фактор дестабилизации геополитического БРИКС // Страны БРИКС: Стратегии развития и механизмы сотрудничества в меняющемся мире. Материалы Второй международной научно-практической конференции. В 2-х ч. М.: Издательский дом «УМЦ», 2024. С.95—98. EDN: OIJYAN

Иванова В.В. Спелое яблоко. Идеалы пантюркизма и идентификационный синкретизм // Азия и Африка сегодня. 2012. № 1. С.65—71. EDN: OTRMXJ

Карякин В.А. Пантюркизм как цивилизационный проект современной Турции // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 3. С. 33—39. DOI:10.37178/ca-c.20.3.03 EDN: JLASHX

Кирчанов М.В. Тюркизм как парадигма турецкой исторической политики // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. Вып. 4 (21). С. 64—74. EDN: FSWTAF

Милокова А.Г., Ковалева А.В., Валюлина Е.В. Пантюркизм и геополитическая идентичность на современном Евразийском пространстве: анализ репрезентаций в СМИ // Мировая политика. 2021. № 1. С.25—38. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.1.34970 EDN: TSKQNU

Минасян Н.А. Инструменты реализации пантюркизма в современной турецкой внешней политике и их восприятие основными региональными и внерегиональными акторами // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 57—81. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\[15\]-57-81](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1[15]-57-81) EDN: WFSTXK

Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: идеология, история, политика/ Под ред. С.Л.Дударева. М.: Изд-во «Русская панорама», 2017. 316 с.

Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики // Ближний и постсоветский Восток. 2024. № 1 (5). С.17—24. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.02 EDN: BKMKNH

Романова А.П., Черничкин Д.А. Влияние Турции и пантюркизма на конструирование новых национальных идентичностей Каспийского региона: пример Туркменистана и Казахстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 181—206. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-181-206 EDN: MKNAJA

Савтырева Д.А. Концепция объединенной Карачаево-Балкарии в проекте «Великого Турана»: идеи и основные угрозы // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. Пятигорск, 2020. С. 115—12. EDN: COZINY

Старостин А.Н. Региональные версии пантюркизма как угроза национальной безопасности России на примере движения «Ак Дян» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2024. № 3. С.60—71. EDN: CPTAOV

Хабибуллина З.Р. Джамаат как форма объединения мусульман в общественном пространстве Республики Башкортостан // Исламоведение. 2024. Т. 15. № 4 (62). С. 44—53. DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-4-44-53

Хабибуллина З.Р., Тузбеков А.И. Киберсуфизм в Республике Башкортостан: тарикат хакканийи в социальной сети ВКонтакте // Виртуальный ислам на постсоветском пространстве: киберсреда и религиозные авторитеты: кол. монография; под ред. З. Хабибуллиной и Э. Муратовой. Баку: AVE Print, 2023. С. 38—79.

Цибенко В.В. Турецкое религиозное влияние в Республике Башкортостан в контексте этнополитических процессов // Исламоведение. 2019. Т. 10. № 1. С. 27—40. DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-1-27-40 EDN: ABSKJP

Черников А.В. Пантюркизм: вчера, сегодня, завтра // Провинциальные научные записки. 2024. № 1 (19). С.63—69. EDN: LVQWUK

Чжан Юйянь. Механизмы сотрудничества тюркоязычных стран в период с 1991 по 2022 год // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 2. С.145—156. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.13> EDN: ONTSMZ

Шумилов М.М. Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке (Часть 2) // Управленческое консультирование. 2022. № 7. С. 37—49. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-7-37-49 EDN: ASUDFC

Sucu A. E., Iskandarov Q. I., Mahmudov R. B., Chernov D. N. Does Turkey have a Central Asian Project? // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 [3]. С. 82—96. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96 EDN: DOAAUD

References

Aminov I.R. Specifics of Network Interaction among Supporters of Radical Pan-Turkism // *Black Sea Region: History, Politics, Culture. Series B: International Relations*. 2020. No. XXIX (IX). Pp. 30—39. DOI: 10.35103/SMSU.2020.18.15.004. EDN: YAYUDG.

Avatkov V.A. Post-Soviet Space and Turkey: Results of 30 Years // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2021. 14(5). Pp. 162—176. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-8>. EDN: QXRUEH.

Avatkov V.A., Badranov A.Sh. Turkey's "Soft Power" in Russia's Domestic Politics // *Law and Governance. XXI Century*. 2013. No. 2 (27). Pp. 5—10. EDN: RENXGV.

Avatkov V.A., Guzaerov R.I. Eurasianism in Turkey: A View of Russia and the Formation of Its Own Paradigm // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2024. Vol. 17. No. 4. Pp. 20—34. DOI: 10.31249/kgt/2024.04.02. EDN: LHLITS.

Berdin A.T., Yusupov Yu.M. The Influence of Pan-Turkism in the Republics of the Volga Federal District (Based on the Example of Nationalist Organizations of Bashkortostan). Part 1 // *Power*. 2022. No. 6. Pp. 52—58. DOI: 10.31171/vlast.v30i6.9341. EDN: EUKYIM.

Berdin A.T., Yusupov Yu.M. The Influence of Pan-Turkism in the Republics of the Volga Federal District (Based on the Example of Nationalist Organizations of Bashkortostan). Part 2 // *Power*. 2023. Vol. 31. No. 1. Pp. 58—65. DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9462. EDN: OKGQAT.

Burashnikova A.B. Neo-Pan-Turkism and Neo-Ottomanism in Turkey's Foreign Policy // *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*. 2013. No. 2. Pp. 65—69. EDN: ROCXNF.

Chernikov A.V. Pan-Turkism: Yesterday, Today, Tomorrow // *Provincial Scientific Notes*. 2024. No. 1 (19). Pp. 63—69. EDN: LVQWUK.

Chzhan Yuyan. Mechanisms of Cooperation among Turkic-speaking Countries from 1991 to 2022 // *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*. 2024. Vol. 29. No. 2. Pp. 145—156. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.13>. EDN: ONTSMZ.

Evstratov A.G. Alternative Eurasia in the Shadow of Yatagans: Pan-Turkism as a Destabilizing Factor for the Geopolitical BRICS // *BRICS Countries: Development Strategies and Cooperation Mechanisms in a Changing World. Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference*. Moscow: UMTS Publishing House, 2024. Pp. 95—98. EDN: OIJYAH.

Guseva Yu.N., Gumerov M.M. The Presidency of Religious Affairs (Diyanet) of the Republic of Turkey and Modern Russian Muftiates: Issues of Interaction at the Present Stage // *Islamic Studies*. 2024. Vol. 15. No. 2 (60). Pp. 17—31. DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-2-17-31. EDN: NXWHWY.

Habibullina Z.R. Jamaat as a Form of Muslim Association in the Public Space of the Republic of Bashkortostan // *Islamic Studies*. 2024. Vol. 15. No. 4 (62). Pp. 44—53. DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-4-44-53.

Habibullina Z.R., Tuzbekov A.I. Cybersufism in the Republic of Bashkortostan: The Haqqaniyya Tariqat in the Social Network VKontakte // *Virtual Islam in the Post-Soviet Space: Cyberspace and Religious Authorities: A Collective Monograph*. Edited by Z. Habibullina and E. Muratova. Baku: AVE Print, 2023. Pp. 38—79.

Ivanova V.V. A Ripe Apple: The Ideals of Pan-Turkism and Identification Syncretism // *Asia and Africa Today*. 2012. No. 1. Pp. 65—71. EDN: OTRMXJ.

Karyakin V.A. Pan-Turkism as a Civilizational Project of Modern Turkey // *Central Asia and the Caucasus*. 2020. Vol. 23. No. 3. Pp. 33—39. DOI: 10.37178/ca-c.20.3.03. EDN: JLASHX.

Kirchanov M.V. Turkism as a Paradigm of Turkish Historical Policy // *Problems of Social and Human Sciences*. 2019. Issue 4 (21). Pp. 64—74. EDN: FSWTAF.

Milyukova A.G., Kovaleva A.V., Valyulina E.V. Pan-Turkism and Geopolitical Identity in the Modern Eurasian Space: An Analysis of Media Representations // *World Politics*. 2021. No. 1. Pp. 25—38. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.1.34970. EDN: TSKQNU.

Minasyan N.A. Instruments for Implementing Pan-Turkism in Modern Turkish Foreign Policy and Their Perception by Key Regional and Non-Regional Actors // *Russia and the World: Scientific Dialogue*. 2025. No. 1(15). Pp. 57—81. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\[15\]-57-81](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1[15]-57-81). EDN: WFSTXK.

Nadein-Raevsky V.A. Pan-Turkism: Ideology, History, Politics / Edited by S.L. Dudarev. Moscow: Russian Panorama Publishing, 2017. 316 p.

Nadein-Raevsky V.A. Pan-Turkism within the Framework of the Ideological Expansion of the Republic of Turkey // *Near and Post-Soviet East*. 2024. No. 1 (5). Pp. 17—24. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.02. EDN: BKMKHC.

Romanova A.P., Chernichkin D.A. The Influence of Turkey and Pan-Turkism on the Construction of New National Identities in the Caspian Region: The Case of Turkmenistan and Kazakhstan // *RUDN Journal of Political Science*. 2024. Vol. 26. No. 1. Pp. 181—206. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-181-206. EDN: MKNAJA.

Savtyreva D.A. The Concept of a United Karachay-Balkaria in the “Great Turan” Project: Ideas and Major Threats // *Topical Problems of the Theory and History of State and Law*. Pyatigorsk, 2020. Pp. 115—121. EDN: COZINY.

Starostin A.N. Regional Versions of Pan-Turkism as a Threat to Russia’s National Security: The Case of the “Ak Dyan” Movement // *International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law*. 2024. No. 3. Pp. 60—71. EDN: CPTAOV.

Sucu A.E., Iskandarov Q.I., Mahmudov R.B., Chernov D.N. Does Turkey Have a Central Asian Project? // *MGIMO Review of International Relations*. 2021. No. 14 (3). Pp. 82—96. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96. EDN: DOAAUD.

Tsibenko V.V. Turkish Religious Influence in the Republic of Bashkortostan in the Context of Ethnopolitical Processes // *Islamic Studies*. 2019. Vol. 10. No. 1. Pp. 27—40. DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-1-27-40. EDN: ABSKJP.

Vasilyeva S.A. Pan-Turkist Markers in Extremist Texts: Theoretical Provisions // *VIII Rasulev Readings: Islam in the History and Modern Life of Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with International Participation), Troitsk, July 4—5, 2019*. Edited by E.Z. Yagnakova. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Press, 2019. Pp. 37—43. EDN: KUMOYP.

Shumilov M.M. The Influence of Pan-Turkism on the Formation of Political Identity of Turkic-speaking States of Central Asia in the 21st Century (Part 2) // *Administrative Consulting*. 2022. No. 7. Pp. 37—49. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-7-37-49. EDN: ASUDFC.

Поступила в редакцию: 12.07.2025
Принята к публикации: 02.09.2025

Received: 12 July 2025
Accepted: 02 September 2025